

СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 80/81
ББК 81
Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Рецензенты:

член-корр. РАН, д-р психол. н. Б. М. Величковский
член-корр. РАН, д-р филол. н. В. А. Виноградов

Я 41

Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика /
Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Ко-
шелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. — М.:
Языки славянской культуры, 2015. — 848 с., ил. — (Вклепка по-
сле с. 368). — (Разумное поведение и язык. Language and Reason-
ing).

ISBN 978-5-9906039-9-8

Международный коллектив авторов сборника, впервые со-
бравшийся в таком составе, представляет панораму современной
когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика понимается
максимально широко — как исследование любого аспекта языка в
связи с познавательными процессами человека. Сборник состоит
из трех разделов. В статьях первого раздела обсуждается общая
архитектура языка в когнитивной перспективе. Два последующих
раздела посвящены двум основным режимам существования язы-
ка — язык как хранилище и язык как коммуникативный процесс.
Книга будет полезна не только специалистам — лингвистам, пси-
хологам, исследователям в области искусственного интеллекта, —
но и широкому кругу читателей, интересующихся строением язы-
ка, его эволюцией, процессами познания, мышления и речевой
коммуникации.

УДК 80/81

ББК 81

Language and thought: Contemporary cognitive linguistics / Compiled by
A. A. Kibrik and A. D. Koshelev. Ed. by A. A. Kibrik, A. D. Koshelev,
A. V. Kravchenko, Ju. V. Mazurova, and O. V. Fedorova. — Moscow: Lan-
guages of Slavic Culture, 2015. — 848 pp. — (“Language and Reasoning” se-
ries).

В оформлении переплета использованы картина Рембрандта Харменса ван Рейна
«Корнелис Клаус Асло в разговоре с женой»
и фрагмент картины Сандро Боттичелли «Мадонна дель Магнификат»

© Авторы, переводчики, 2015

© Кибрик А. А., Кошелев А. Д., сост., 2015

© Языки славянской культуры,
оформление, оригинал-макет, 2015

ISBN 978-5-9906039-9-8

СОДЕРЖАНИЕ

Volume abstract.	7
Table of contents (with chapter abstracts).	7
От составителей: когнитивная лингвистика — в поисках единства	21

I. ОБЩЕЕ. ЭВОЛЮЦИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

<i>А. Е. Кибрик.</i> Когнитивный подход к языку	29
<i>У. Чейф.</i> На пути к лингвистике, основанной на мышлении.	60
<i>Т. Гивон.</i> Сложность и развитие	89
<i>А. Д. Кошелев.</i> На пороге эволюционно-синтетической теории языка	123
<i>А. В. Кравченко.</i> О предметной области языкознания	155
<i>В. Б. Касевич.</i> Заметки о «когниции».	173
<i>В. М. Алпатов.</i> Предшественники когнитивной лингвистики	185

II. ЯЗЫК КАК ХРАНИЛИЩЕ. СЕМАНТИКА. OFF-LINE

<i>Л. Бородицки.</i> Как языки конструируют время.	199
<i>Л. А. Янда.</i> Аспектуальные типы русского глагола: пересматривая типологию Крофта	213
<i>Е. А. Гришина.</i> Круги и колебания: семантика сложных траекторий в русской жестикуляции	238
<i>А. Д. Кошелев.</i> О референциальном подходе к лексической полисемии	287
<i>В. Эванс.</i> Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ)	350
<i>Т. Нессет, А. Б. Макарова.</i> Пространство во времени? Асимметрия предлога <i>в</i> в пространственных и временных конструкциях	388
<i>Л. М. Лещёва.</i> Когнитивная лингвистика и терминологическая двуязычная интерпретирующая лексикография	411

Т. А. Строганова, А. В. Буторина, А. Ю. Николаева, Ю. Ю. Штыров. Процессы автоматической активации и торможения моторных областей коры головного мозга при восприятии речевой информации	426
Д. Дивьяк. Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка)	448
В. Д. Соловьев. Возможные механизмы изменения когнитивной структуры синонимических рядов	478
М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская, Д. Н. Сатюкова. Семантика прилагательных в речи взрослых и детей.	488

III. ЯЗЫК КАК ПРОЦЕСС. КОММУНИКАЦИЯ. ON-LINE

А. Мустайоки. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего	543
А. Ченки. Понятие динамического диапазона коммуникативных действий в теории когнитивной лингвистики	560
А. В. Кравченко. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте	574
А. А. Кибрик. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура	595
О. В. Федорова. Типология референциальных конфликтов (экспериментальные исследования)	635
В. Кемпе, М. Рукс, Л. Сварбригг. Эмоции говорящего могут влиять на порождение неоднозначности	676
О. В. Драгой, М. Б. Бергельсон, Е. В. Искра, А. К. Лауринавичюте, Е. М. Маннова, А. А. Скворцов, А. И. Статников. Сенсомоторные стереотипы в языке: данные патологии речи	697
Ш. Т. Грис. Структурный прайминг: корпусные исследования и узуальные/экземплярные подходы	721
М. Томаселло. Узуальная теория усвоения языка	755
С. Голдин-Медоу. Расширяя взгляд: как мануальная модальность помогает понять язык, обучение и познание	785
Авторы и редакторы сборника	820
Указатель языков	827
Указатель терминов	828

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ*

А. Е. Кибрик

(Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова)

Предлагается авторское понимание исследования языка под когнитивным углом зрения. Рассматривается возможность лингвистической реконструкции когнитивной структуры, основанной на принципе когнитивной мотивированности языковой формы. Технология такой реконструкции рассматривается на материале конкретных языковых примеров из разноструктурных языков (русский, цахурский, даргинский, багвалинский, бенгальский, алыторский и др.), иллюстрирующих лингвистическое явление маркированности, коррелирующее с когнитивным оператором нормы / отклонения от нормы. Специальное внимание уделяется явлению обратимой маркированности, особенно в ситуации «аномальной» корреляции языковой формы и значения. Сферой действия обратимой маркированности являются системные корреляции между значениями разных параметров с точки зрения оператора когнитивной нормы, когда одни сочетания значений соответствуют когнитивной норме, а другие являются отклонениями от нее.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Еще в 1921 г. Эдвард Сепир в концентрированной афористической форме сформулировал презумпцию будущей когнитивно-ориентированной лингвистики:

С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной

* Впервые опубликовано как: *Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку // Величковский Б. М., Соловьев В. Д. (ред.). Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук. М.: Наука, 2008. С. 202—232. Статья переиздана с разрешения редакторов сборника Б. М. Величковского и В. Д. Соловьева.*

значимостью. ...Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения. ...Вопреки распространенному, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль. ...Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некотором смысле составляют одно и то же² [Сепир 1993: 36, 193].

В этом неразрывном единстве, о котором говорит Сепир, язык является не самодовлеющим, а вспомогательным инструментом, обеспечивающим мыслительную деятельность. Языковая и мыслительная деятельность разворачиваются согласованно и параллельно, в результате чего надязыковая когнитивная структура и символизирующие ее элементы линеаризованной озвученной вербальной структуры образуют неразрывное единство. Если это так, то структура языка в значительной степени предопределена когнитивной структурой, хотя не идентична ей. В отличие от конкретных идиоэтнических языков когнитивная структура является общечеловеческим достоянием, и естественно предположить, что она практически универсальна.

Хочу подчеркнуть, что я не случайно говорю о когнитивном подходе к языку, не употребляя термина когнитивная лингвистика. С одной стороны, этот термин получил широкое распространение и, став модным, в известной мере был, к сожалению, скомпрометирован из-за несколько вульгарного его применения. Он пока еще очень ассоциирован с конкретными именами лингвистов, называющих свою деятельность этим термином, и зачастую используется совсем не в том понимании, которое имеется в виду в данной статье. С другой стороны, в западной лингвистике имеется тенденция приватизировать этот термин как бренд конкретной лингвистической теории. Это, прежде всего, теория Лангакера (см. [Langacker 1987—1991; Ченки 1997]) с ее специфическим формализмом для представления когнитивных структур. Такой формализм нагляден своим иконизмом при описании некоторых концептов, связанных с ориентацией и движением в про-

² From the point of view of language, thought may be defined as the highest latent or potential content of speech, the content that is obtained by interpreting each of the elements in the flow of language as possessed of its very fullest conceptual value. ...At best language can but be the outward facet of thought on the highest, most generalized, level of symbolic expression. ...It is not, as is generally but naively assumed, the final label put upon the finished thought. ...Language and our thought-grooves are inextricably interrelated, are, in a sense, one and the same (*Sapir E. Language*. N. Y.: Harvest books, 1921. P. 14, 15, 217, 218).

странстве, однако он совершенно непригоден как общий метод, прежде всего из-за своего априоризма — методологической тенденции, унаследованной от критикуемого Лангакером генеративизма.

В этой связи не следует также упускать из вида концепцию Н. Хомского, которую также иногда связывают с когнитивной лингвистикой. Хомский, не используя данного термина, неустанно говорит о генеративной лингвистике как о единственной теории, ответственной за решение проблемы языка и мышления (начиная с его давней работы [Хомский 1972]; см. также [Chomsky 2005]). В действительности же основным когнитивным постулатом для него в течение десятилетий был постулат о врожденной языковой способности, о гене языка, а коль скоро это так, то проблема наследования языком когнитивных механизмов сама собой снималась. Если «дар языка» врожден, то язык по существу с когнитивной способностью не связан, и можно моделировать дар языка безотносительно к когнитивной способности. В настоящее время в теории Хомского произошел существенный перелом, и он добавил к генетическому дару (genetic endowment), основному фактору, который, наряду с языковым опытом (experience), ответствен за развитие языковой способности личности, новый (третий) фактор — принципы, не являющиеся специфическими для языковой способности (principles not specific to the faculty of language) [Chomsky 2005: 6]. Он не соотносит эксплицитно этот «третий фактор» с когнитивной способностью³, но ничто не мешает ему в некоторый момент это сделать.

Таким образом, ввиду крайне многообразных трактовок содержания термина «когнитивная лингвистика», я не готов в данной статье говорить от имени этого научного направления в целом и выскажу свое собственное его понимание, которое, как я хотел бы думать, отражает

³ Returning to the three factors of language design, adoption of a P&P framework overcomes a difficult conceptual barrier to shifting the burden of explanation from the first factor, the genetic endowment, to the third factor, language-independent principles of data processing, structural architecture, and computational efficiency, thereby providing some answers to the fundamental questions of biology of language, its nature and use, and perhaps even its evolution (Если вернуться к трем факторам устройства языка, принятие теории принципов и параметров преодолевает трудное концептуальное препятствие, перенося бремя объяснения с первого фактора генетического дара на третий фактор независимых от языка принципов обработки данных, структурной архитектуры и вычислительной эффективности, тем самым предоставляя некоторые ответы на фундаментальные вопросы о биологии языка, о его природе и использовании, и даже, быть может, о его эволюции) [Chomsky 2005: 9].

далеко не только мои взгляды, хотя в некоторых аспектах является сугубо авторским.

Теоретически имеется два пути установления отношений между процессами языковой деятельности (и стоящими за ними языковыми структурами) и мыслительными процессами (и стоящими за ними когнитивными структурами):

от мышления к языку или

от языка к мышлению.

К сожалению, на практике первый путь пока еще недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах и единицах мышления (что не исключает в дальнейшем появления возможностей продуктивного использования этого пути). Наоборот, в настоящий момент второй путь может не только объяснить, почему языки устроены так, как они устроены (а это является главной целью лингвистической теории), но и способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры.

В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы:

в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру.

Этот постулат является базовым, он противопоставлен постулату де Соссюра о произвольности языкового знака⁴. Идея Соссюра глубоко укоренилась в сознании лингвистов XX в. и лишила их важнейшего из познавательных ресурсов, буквально повсюду рассыпанных в языковых данных.

⁴ Вообще говоря, для Соссюра произвольность знака сводилась к произвольности фонетических оболочек непроемных слов (т. е. корней), хотя произвольные слова уже имеют очевидную семантическую и, следовательно, когнитивную мотивацию (обнаружением ее занята традиционная этимология), не говоря о широчайшем диапазоне всевозможных конструкций, современных аналогов традиционного знака (грамматика конструкций по Филлмору [Fillmore, Kay 1993; Croft 2001]), среди которых непроемные слова представляют лишь один вырожденный тип конструкции. Однако постулат Соссюра получил расширенное толкование, позволяющее игнорировать внешнюю форму содержательно близких конструкций (ср. русские *вытянуть руку*, но *шевелить*, *махать рукой*): различное падежное управление считается произвольным свойством соответствующих глаголов. Однако за этим различием могут быть обнаружены достаточно глубокие мотивации, если следовать постулату о мотивированности.

Постулат о мотивированности не утверждает, что «отражение» является элементарным однозначным отношением. Когнитивную природу языка наивно искать в свидетельствах прямолинейных совпадений когнитивного и языкового членений. Если бы это было так, все языки были бы структурно идентичными. В действительности же мы обнаруживаем бесконечное разнообразие языковых структур. Однако это разнообразие не хаотично. Напротив, за ним скрывается достаточно жесткая семиотическая логика, ограничивающая варьирование наблюдаемой языковой формы и устанавливающая истинные связи между языковыми формами и когнитивными структурами. Обнаружение и описание этой логики является целью лингвистической реконструкции.

Исходным материалом для реконструкции могут быть системные отношения между языковыми формами одного языка (метод внутриязыковой реконструкции) или системные отношения между сопоставимыми языковыми формами многих языков (метод межъязыковой реконструкции).

Ниже я попытаюсь проиллюстрировать на конкретных языковых примерах технологию лингвистической реконструкции когнитивной структуры. При этом я ограничусь рассмотрением одного довольно абстрактного лингвистического понятия, применимого в самых различных компонентах языковой структуры и обладающего большой объяснительной силой и когнитивной значимостью. Речь будет идти о понятии маркированности.

1. МАРКИРОВАННОСТЬ

Обычно полагают, что это понятие пришло в лингвистику из фонологии. Действительно, оно играет большую роль в теории фонологических оппозиций Н. Трубецкого [Трубецкой 1960], в которых маркированный член противопоставляется немаркированному, например:

<i>МАРКИР.:</i>	<i>НЕМАРКИР.:</i>
b, d, g	p, t, k
p', t', k'	p, t, k
b, d	b, d
ā, ī, ū	a, i, u
ã, ï, û	a, i, u

В терминах значений параметров (различительных признаков) в так называемых привативных оппозициях маркированный член, звонкость⁵, противопоставляется немаркированному члену — незвонкости; абруптивность и импловивность согласных, долгота и назализованность гласных являются маркированными членами по отношению к соответствующему нейтральному немаркированному члену.

В действительности автором идеи маркированности (*признаковости* vs. *беспризнаковости* в русском первоисточнике) является Р. Якобсон, еще в 20-е гг. использовавший его в связи с исследованиями стиха и культуры [Jakobson 1990: 135], а в 1930 г. обсуждавший его в переписке с Н. Трубецким [Jakobson 1985: 162, 163], опять же придавая ему широкое толкование⁶. В 1932 г. он пользуется им при описании грамматических категорий русского глагола [Jakobson 1971], выделяя, среди прочих, следующие оппозиции:

МАРКИР.:	НЕМАРКИР.:
соверш. вид	несоверш. вид ⁷
пассив	актив
личные формы (1/2-е лицо)	неличные формы (3-е лицо)
1 лицо	2-е лицо
мн. ч.	ед. ч.

⁵ В действительности ситуация в языках мира сложнее, направление маркированности может различаться в различных языках или по рядам согласных в пределах одного языка (С. В. Кодзасов, личное сообщение), что находит свое объяснение в принципе обратимой маркированности, о котором см. ниже.

⁶ Отвечая на замечание Н. С. Трубецкого в письме от 31.8.1930 г. о том, что «по-видимому всякая (а м.б., и не всякая?) фонологическая корреляция приобретает в языковом сознании форму противопоставления наличия какого-нибудь признака его отсутствию (или максимума какого-нибудь признака его минимуму)», Якобсон пишет: «Думаю, что она [высказанная Трубецким мысль] будет иметь значение не только для лингвистики, но для этнологии и истории культуры, и что такие историко-культурные корреляции, как *жизнь — смерть, свобода — несвобода, грех — добродетель, праздники — будни* и т. п., всегда сводятся к отношениям а — не-а, и что важно установить для каждой эпохи, группы, народа и т. д. — что является рядом признаков. Например, для Маяковского жизнь была признаковым рядом, реализуемым только при мотивировке, для него не смерть, а жизнь требовала мотивировки». В конце этой цитаты Якобсон явно формулирует будущее понятие обратимой маркированности, о которой см. ниже.

⁷ Универсальность данной интерпретации была впоследствии оспорена, см., в частности, [Comrie 1976: 111—122], хотя она реализована в русских толковых словарях и в русских входах словарных статей глаголов в двуязычных словарях.

В дальнейшем понятие маркированности приобрело особую значимость в типологическом описании асимметрии грамматических параметров в работах Дж. Гринберга; см. [Greenberg 1966; Croft 2003: 87—100, 156, 157]. Стало очевидно, что понятие маркированности применимо не только к двоичным параметрам, но и к многочисленным (о такой возможности Н. Трубецкой говорит в вышеприведенной цитате) и бинарное противопоставление «маркированность vs. немаркированность» является лишь частным случаем более общего противопоставления «(наи)более маркированный vs. (наи)более немаркированный», и с точки зрения маркированности значения параметра образуют иерархию возрастания (убывания) маркированности.

Важным достижением в теории маркированности было обнаружение объективных критериев установления иерархии маркированности. Гринбергом были предложены формальные тесты различения маркированных и немаркированных значений языковых параметров, таких как:

- Структурный (количество фонетического материала, мера алломорфизма, словоизменительный потенциал, дистрибутивный потенциал).
- Статистический (текстовая частота).
- Импликативный (см. ниже).

Типологическая значимость теории маркированности состояла в том, что при огромном разнообразии языковых параметров и состава их значений иерархическая организация (степень относительной маркированности) значений большинства, хотя и не любых параметров следует некоторой универсальной логике, не зависящей от конкретного языка. Так, если в некотором языке имеются грамматические средства различения единственного и множественного числа, значение множественного числа в нем является маркированным, а значение единственного — немаркированным. Если грамматическая категория числа имеет значения единственного, двойственного и множественного числа, то с точки зрения маркированности они образуют такую иерархию:

ед. < мн. < дв.

Эта иерархия соответствует следующей импликативной универсалии: если в языке представлено более маркированное значение, то в нем имеются и все менее маркированные значения. Таким образом, возможны языки:

- а) не имеющие категории числа,
- б) имеющие грамматически выраженное ед. и мн. число,
- в) имеющие грамматически выраженное ед., мн. и дв. число,

а языки, имеющие грамматически выраженное ед. и дв. число или мн. и дв. число, невозможны⁸.

Иерархия маркированности для категории времени имеет вид:

наст. < прош. < буд.

Согласно этой иерархии, возможны языки:

- а) не имеющие категории времени,
- б) имеющие грамматически выраженное наст. и прош. время,
- в) имеющие грамматически выраженное наст., прош. и буд. время,

а языки, имеющие грамматически выраженное наст. и буд. время или прош. и буд. время, невозможны.

Позитивные утверждения (а—в) эмпирически многократно подтверждаются данными многих языков, а эмпирических данных, противоречащих отрицательным утверждениям, не зафиксировано.

Следует подчеркнуть, что такого рода обобщения формулируются не априорно, исходя из логического анализа категориальных значений, а базируются на наблюдаемых грамматических явлениях, представленных в естественных языках.

Какова же природа этой логики? Когнитивный подход к языку постулирует ее надязыковую, когнитивную природу, не зависящую от структур конкретных языков. С точки зрения этого подхода языковая маркированность есть производное от когнитивной маркированности, а именно:

- Немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей.
- Маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей.

Нормальное, естественное, ожидаемое положение вещей входит в когнитивный гештальт человеческого опыта и концептуализируется с минимальной затратой ментальных вычислительных усилий (акти-

⁸ Более подробное и всестороннее описание типологии числа см. в [Corbett 2000].

вируется по умолчанию), а отклонения от гештальта для их активации требуют дополнительных вычислительных ресурсов.

Естественно полагать, что когнитивный оператор нормы не является неким логическим абсолютом, отражающим природу вещей *per se*. Когнитивная норма принципиально антропоцентрична, она ориентирована на человека, на присущий человеку как биологическому виду способ организации и обработки информации. Этот способ является единым для всего человечества, и он во многом ограничивает разнообразие естественных языков. И в этом смысле можно говорить о лингвистических универсалиях. Эти универсалии не есть нечто иррациональное, берущееся неизвестно откуда. Они мотивированы единством человеческой когнитивной способности. Что касается языковой маркированности, то она всевозможными допустимыми лингвоспецифическими способами отображает в языковых структурах когнитивный оператор нормы / отклонения от нормы.

Что касается категории числа, то в когнитивной перспективе наиболее естественно, ожидаемо мыслить о единичных сущностях, и активация таких сущностей осуществляется по умолчанию. Если сущностей более чем одна, имеет место отклонение от нормы, такое значение маркировано по сравнению с единичностью. Если одинаковых сущностей именно две, в когнитивной перспективе это еще большее отклонение от нормы.

В отношении времени дефолтное (немаркированное) время — это время речевого акта, являющееся в когнитивной перспективе исходной точкой отсчета. Грамматическое значение настоящего времени идентифицирует время реального события, находящегося в актуальном поле наблюдения, с временем речевого акта. По отношению к нему реальные события, предшествовавшие речевому акту, находятся в ретроспективном поле наблюдения, и их временная локализация является когнитивно маркированной. Что касается будущих событий, то они не являются реально наблюдаемыми. Они локализованы в мире предполагаемых, не существующих в реальном мире событий. Активация таких событий требует больших вычислительных усилий, чем реальных событий в настоящем и прошлом.

Подчеркнем еще раз, что такую интерпретацию когнитивной онтологии числа и времени, порождаемой принципом когнитивной нормы (маркированности), подсказывают языковые данные, а не спекулятивный логический анализ.

2. ОБРАТИМАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ

Рассмотрим сперва понятие обратимой маркированности на знакомом читателю языковом материале.

В русском языке существительные имеют грамматическую категорию числа, различающую единичные сущности (ед. число) и множественные сущности (мн. число): *На столе стоит чашка* vs. *На столе стоят чашки*. Важным формальным свойством данной грамматической категории является ее обязательность в русском языке⁹: каждое существительное должно быть категоризовано по категории числа. Форма ед. числа используется как для обозначения одной сущности, так и при номинации класса сущностей данного вида вообще (одной чашки и чашек вообще): *Чашка, в отличие от стакана, обычно имеет ручку, К сосудам для питья относятся чашка, кружка, стакан, пиала*, поэтому не случайно форма ед. числа используется (в согласии с языковой интуицией носителя русского языка) в качестве словарной формы данного существительного. В русском языке, в соответствии с типологической универсалией, ед. число является немаркированным значением категории числа. В соответствии с теорией маркированности в случае нейтрализации оппозиции используется немаркированная форма, т. е. ед. число.

Согласно такому стандартному дефолтному сценарию ведет себя подавляющее число существительных, лексикализирующих предметные счетные концепты. Однако в русском языке имеется также группа непроектируемых существительных, означающих массу, совокупность однородных сущностей. Эти существительные ведут себя особым образом по отношению к рассматриваемой грамматической категории: они, как правило, имеют дефектную числовую парадигму и образуют производные существительные с регулярным семантическим сдвигом:

⁹ Данное уточнение не случайно. Вполне могут быть языки, в которых наряду с числовыми формами существуют нечисловые формы (general number в [Corbett 2000]). В таком языке некоторые (так называемые неисчисляемые) существительные имеют только нечисловую форму (она будет наименее маркированной), а другие — числовые формы и, как правило, нечисловую форму. Подробнее о такого рода языках см. [Corbett 2000: 9—19].

ИСХОДНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ		ПРОИЗВОДНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
<i>солома</i>	?	<i>соломинка</i>	<i>соломинки</i>
<i>пух</i>	?	<i>пушинка</i>	<i>пушинки</i>
<i>горох</i>	?	<i>горошина</i>	<i>горошины</i>
<i>картофель</i>	?	<i>картофелина</i>	<i>картофелины</i>
<i>трава</i>	(<i>травы?</i>)	<i>травинка</i>	<i>травинки</i>
<i>песок</i>	(<i>пески?</i>)	<i>песчинка</i>	<i>песчинки</i>
<i>тля, сено</i>	?	?	

Большинство исходных существительных в нашем списке имеют только форму ед. числа и относятся к классу *singularia tantum*¹⁰. Производные существительные означают отдельные экземпляры совокупности и имеют полную числовую парадигму. Кажущаяся парадоксальность такой ситуации состоит в том, что множественность существей лексикализуется как существительное *singulare tantum*, а для обозначения собственно единичности используются специальные словообразовательные средства (деривационные суффиксы *-ин*, *-ин-к*), так называемый сингулятив.

С когнитивной точки зрения никакого парадокса нет. Наиболее естественная антропоцентрическая концептуализация объектов-совокупностей такая же, как массообразных, жидких, сыпучих, газообразных, твердых веществ (типа *грязь, молоко, мука, дым, медь*), поскольку обычно такие концепты функционально значимы для человека как целостные совокупности, а не как множества однородных существей. Поэтому языковое оформление этих концептов соответствует стандартному дефолтному сценарию выбора формы ед. числа, хотя в значение совокупности инкорпорирована в качестве фона идея множественности элементов¹¹.

¹⁰ Исключением в нашем списке являются слова, допускающие форму мн. числа, — *травы* и *пески*, но форма мн. числа здесь означает нетривиальную множественность означенных совокупностей: в случае *травы* это, видимо, разновидности трав, а в случае *пески* — песок в различных местах. У прочих существительных, видимо, такой переинтерпретации нет. Аналогичные явления наблюдаются во многих языках, см. [Кибрик 1992].

¹¹ Это не значит, что выбор формы мн. числа невозможен, ср.: *хлопья, дрова*. В таком случае идея множественности элементов совокупности маркирована и представлена более эксплицитно. По поводу когнитивно мотивированного выбора ед./мн. числа при концептуализации таких совокупностей см. проникновенный анализ А. Вежибickой [Wierzbicka 1988].

Однако иногда существует потребность активировать отдельный элемент совокупности, а не совокупность в целом, и тогда фон становится фигурой. Вербализовать этот концепт можно с помощью различных стратегий:

- (а) так, можно игнорировать когнитивную сопряженность совокупности и элемента, используя для элемента особую непроизводную лексему, например *полено* vs. *дрова*;
- (б) можно использовать одну и ту же форму для совокупности и элемента совокупности, ср. английское *news* ‘новости’¹², новость’, русское *моль*, например: *У нас завелась моль* (совокупность) vs. *Смотри, вон моль полетела* (экземпляр совокупности);
- (в) наконец, в русском языке представлена и деривационная стратегия: маркировать единичность элемента совокупности посредством сингулятивного показателя, добавляемого к имени совокупности. В таком случае можно говорить об обратимой маркированности: если в норме единичность является немаркированной, то в данном случае она маркированная.

Получив единичную интерпретацию, производный концепт циклично включается в категорию числа и допускает как немаркированную (ед. число), так и маркированную (мн. число) форму.

Для такой деривации необходимо, чтобы исходное существительное было несчетным и обозначало совокупность однотипных сущностей¹³. Сингулятив означает смещение фокуса внимания с совокупности на составляющие ее элементы¹⁴. Неудивительно при этом, что значения форм *горох* и *горошины* не идентичны.

¹² Как видно из перевода, в русском языке совокупность элементов может иногда выражаться формой мн. числа: форма *новости* имеет значение как множественности новостей, так и целостной совокупности новостей.

¹³ Вместе с тем в русском языке имеется по крайней мере еще один источник использования сингулятива: счетные существительные *pluralia tantum*, например бусы (> бусин(к)а), штаны (> штанина), имеющие как единичную, так и множественную интерпретацию. Однако опять же не всякое *plurale tantum* допускает сингулятив, ср., например, *колготки*, *сани*, *ножницы*, *очки*.

¹⁴ Примечательно, что не от всякого собирательного существительного образуется производный сингулятив. Таким в нашем примере является слово *тля*, хотя необходимые условия для образования сингулятива соблюдены. Отсутствие сингулятива от данного слова, видимо, связано с недостаточной когнитивной релевантностью концепта единичного насекомого данного вида. Вместе с тем отсутствие данного легализованного концепта является лингвоспецифическим свойством русского языка.

Русский сингулятив является специфическим языковым явлением. Такая деривация отсутствует во многих языках, хотя явление это не уникальное. В совершенно другом морфологическом обличье оно присутствует, например, в языке фула, западноатлантическая семья (Африка), см. [Коваль 1979: 76, 77], в котором такая деривация оформляется сменой именного класса исходного существительного. Примечательна и близость круга концептов, гармонирующих с данной деривацией.

3. «АНОМАЛЬНАЯ» ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА В СВЕТЕ ОБРАТИМОЙ МАРКИРОВАННОСТИ

В различных языках и различных фрагментах грамматики встречаются явления, кажущиеся, с позиций обычной грамматической логики, загадочными и необъяснимыми. Их объединяет «аномальность» языковой формы, не поддающаяся традиционной логической интерпретации; см. схему 1.

В случае (а) НЕКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА «КАК БЫ» ОБОЗНАЧАЕТ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ СУЩНОСТИ. В случае (б) происходит нечто прямо противоположное: РАЗНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ «КАК БЫ» ОБОЗНАЧАЮТ ОДНУ И ТУ ЖЕ СУЩНОСТЬ.

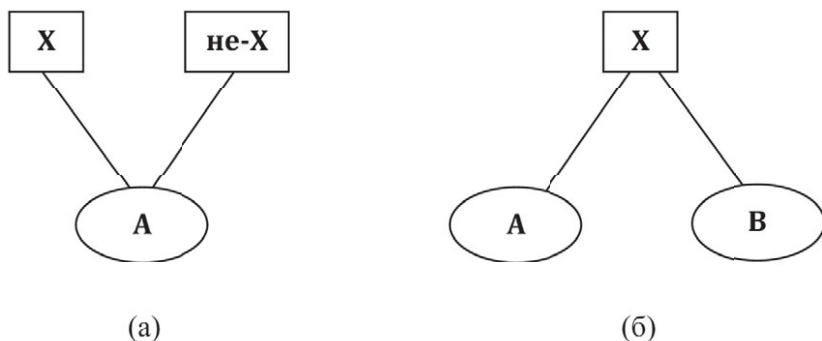

Схема 1. Аномальные корреляции формы и значения

Случай (б) давно известен как синонимия языковой формы. Этот случай в своей абсолютной формулировке аномален функциональной избыточностью. Если иметь в виду синонимию в строгом смысле, то она означает полную вариативность формы (абсолютную взаимозаменяемость синонимичных форм в любом высказывании). Однако полная вариативность, при ближайшем рассмотрении, никогда не подтверж-

дается. Всегда обнаруживаются контексты, когда смысл X выразить при помощи формы A можно, а при помощи B — нельзя.

Особенно парадоксален случай (а), так как противоположные (антонимичные) значения некоторого параметра X и $не-X$ выражаются одной формой A : что же на самом деле означает A ?

Рассмотрим несколько примеров таких «аномалий» из различных языков.

3.1. РЕДУПЛИКАЦИЯ В ЦАХУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В цахурском языке (нахско-дагестанская семья) для выражения видового противопоставления совершенного и несовершенного вида используется непродуктивный способ редупликации корня; см. подробнее в [Кибрик (ред.) 1999: 74, 75]. Например:

Таблица 1

Редуплицированные формы глагола в цахурском языке

СОВЕРШЕННЫЙ ВИД VS НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД			
(1) <i>ux-u</i>	‘родил’	<i>ux-ox-a</i>	‘рожает’
<i>ikk-i</i>	‘унес’	<i>ikk-eek-a</i>	‘уносит’
(2) <i>ikk-iik-in</i>	‘захотел’	<i>ikk-an</i>	‘хочет’
<i>ik'-iik'-ir</i>	‘заболел (живот)’	<i>ik'-ar</i>	‘болит (живот)’

В примерах (1)—(2) видовое противопоставление выражено дважды: продуктивными вокалическими суффиксами (*-u/i* в совершенном виде и *-a* в несовершенном виде) и непродуктивным показателем редупликации корня (с морфонологическими чередованиями), непосредственно следующим за корнем. Аномальным является то, что при одних глаголах (‘рожать’, ‘уносить’) редупликация находится в форме несовершенного вида, а при других (‘хотеть’, ‘болеть’) — в форме совершенного вида. Какое же значение кодирует показатель редупликации? Для чего он нужен, если видовое значение однозначно выражено?

Когнитивный принцип обратимой маркированности объясняет его функцию (см. таблицу 2). Обратим внимание на то, что глаголы из примера (1) обозначают предельные процессы, а глаголы из примера (2) — состояния. Для предельных процессов когнитивной нормой является достижение предела (сов. вид), а отклонением от нормы — длящийся процесс (несов. вид), а для состояний, наоборот, когнитивной нормой является сохранение состояния (несов. вид), а отклонением от нее — вхождение в состояние (сов. вид). Итак, редупликация означает не вид

глагола, а обратимую маркированность вида относительно акциональной семантики глагола: для предельных процессов маркированным является несов. вид, а для состояний — сов. вид.

Таблица 2

Обратимая маркированность вида в цахурском языке

АКЦИОНАЛЬНЫЙ КЛАСС ГЛАГОЛА	ВИД ГЛАГОЛА	
	СОВ. ВИД	НЕСОВ. ВИД
ПРЕДЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	НОРМАЛЬНО	+ редупликация
СОСТОЯНИЕ	+ редупликация	НОРМАЛЬНО

Такая редупликация зафиксирована у небольшого количества глаголов, но от этого она не является менее значимой. Наоборот, нерегулярные кодирующие средства, сохраняющие, вопреки ожиданиям, живучесть в языке, свидетельствуют о их существенности для языковой структуры и того когнитивного механизма, который за ними стоит.

3.2. Топонимы в дагестанских языках

Дагестанские языки отличаются обилием падежей, в частности системой пространственных форм. Исходной, наименее маркированной формой имени является номинатив, совпадающий с чистой основой. Прочие (маркированные) падежи обычно образуются от косвенной основы, содержащей специальный суффикс, или от чистой основы, совпадающей с формой номинатива. К косвенной основе добавляются собственно падежные показатели.

В качестве примера рассмотрим данные багвалинского языка:

ПАДЕЖ	ФОРМА	ПЕРЕВОД
номинатив	<i>mis-a</i>	‘дом’
генитив	<i>mis-u-l</i>	‘дома’
ад-эссив	<i>mis-u-χ</i>	‘у дома’
интер-эссив	<i>mis-u-li</i>	‘в доме’
конт-эссив	<i>mis-u-č'</i>	‘в контакте с домом’

На этом фоне, как правило, совершенно иначе устроены исконные имена населенных пунктов (селений и хуторов). Для них словарной формой является пространственная форма, в которой присутствует один из типичных для данного языка пространственных показателей:

ТОПОНИМ	РУССКИЙ ПЕРЕВОД
<i>boha-χ</i>	Ботлих
<i>hiha-li</i>	Гигатли
<i>hindu-č'</i>	Глондода

В подавляющем большинстве контекстов топонимы встречаются в локативной позиции дополнения места. Если же возникает необходимость поместить их в позицию номинатива, используется та же пространственная форма или словосочетание с вершинным родовым именем, например [Даниэль 2001: 150]:

- (3) di-č' k_o'an-l han raq_o'a-li ek_o'a.
 я.OBL- Кванада- селение. сердце- есть
 CONTESS GEN NOM INTERESS
 'Я помню Кванату' [букв.: 'У меня Кванады селение на сердце есть'].

Когнитивное объяснение этой морфологической аномалии такое. Для существительных нормой является форма номинатива, а отклонением от нормы — формы косвенных надежд. Для топонимов, наоборот, нормой является пространственная форма, а отклонением от нормы — употребление топонима не в местном значении. В этом случае использование чистой основы топонима (без показателя пространственного значения) заблокировано, поскольку это маркированная ситуация. Поэтому предпочтительным является выбор описательной номинации или использование той же исходной пространственной формы.

3.3. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В ряде индийских языков, например в бенгальском, см. [Onishi 2001: 114—116]¹⁵, для выражения значений субъекта и объекта при переходном глаголе могут использоваться три падежные формы: *номинатив*, *объектив* и *локатив*. Например (для ясности приводятся только схемы конструкций и репрезентативные русские предложения):

¹⁵ Интерпретация данных моя. Применительно к бенгальскому, как и к русскому, языку в данном случае можно использовать синтаксические термины *субъект* и *объект*, хотя в общем случае это неправомерно. За синтаксическими понятиями *субъект* и *объект* стоят более универсальные ролевые характеристики актантов — *агентивный* и *пациентивный участник* соответственно; см. [Кибрик 2003: 109 и след.].

(4) Мальчик (S) бросил палку (O).	$S_{\text{NOM}} + O_{\text{NOM}}$
(5) Отец (S) побил сына (O).	$S_{\text{NOM}} + O_{\text{OBJ}}$
(6) Машина (S) раздавила палку (O).	$S_{\text{LOC}} + O_{\text{NOM}}$
(7) Машина (S) задавила мальчика (P).	$S_{\text{LOC}} + O_{\text{OBJ}}$

В (4) номинатив характеризует как субъект, так и объект, в (5) — только субъект, а в (6) — только объект. В то же время в (6)—(7) для обозначения субъекта используется локатив, а в (5), (7) для обозначения объекта — объектив. В такой кодировке присутствуют обе семиотические «аномалии»:

- (а) использование номинатива для кодирования как S, так и O,
- (б) кодирование S то номинативом, то локативом, кодирование O то номинативом, то объективом.

Какие принципы лежат в основе этой аномальной кодировки?

Естественно предположить, что гипотеза о непосредственной кодировке субъекта и объекта падежами неверна, хотя такая кодировка некоторым образом связана с этими значениями.

В действительности выбором падежного значения управляет уже известный нам принцип обратимой маркированности. Этот принцип противопоставляет немаркированное и маркированное кодирование.

А. Дефолтное (немаркированное) кодирование:

Номинатив обозначает не тип синтаксического отношения, а когнитивно немаркированное сочетание типа синтаксического отношения с онтологическими и референциальными свойствами участника, являющееся обратимым:

- для субъекта это определенный личный (человек) или определенный одушевленный (животное) участник, а
- для объекта — неодушевленный или неопределенный одушевленный участник.

Б. Специальное (маркированное) кодирование:

- локатив кодирует маркированный (неодушевленный) субъект;
- объектив кодирует маркированный (личный определенный) объект.

Принцип обратимого маркирования проиллюстрирован на минимальном числе простейших примеров (4)—(7). Языковая реальность несколько богаче и интереснее. Как видно из формулировок, выбор падежа контролируется не только онтологическими свойствами участников — лицо (человек) / одушевленный (животное) / неодушевленный, но и референциальными характеристиками — определенный / неопределенный¹⁶. Комбинации онтологических и референциальных характеристик образуют упорядоченную цепочку, называемую ниже референциальной иерархией:

ОПР., ЛИЦО | ОПР., ОДУШ. | НЕОПР., ЛИЦО | НЕОПР., ОДУШ. | НЕОДУШ.

Эта иерархия по-разному ориентирована с точки зрения маркированности по отношению к субъекту и объекту.

Референциальная иерархия для субъекта:

ОПР., ЛИЦО < ОПР., ОДУШ. < НЕОПР., ЛИЦО < НЕОПР., ОДУШ. < НЕОДУШ.

Наименее маркирован первый член иерархии, наиболее маркирован последний (направление маркированности: <).

По отношению к объекту иерархия является обратной:

Референциальная иерархия для объекта:

ОПР., ЛИЦО > ОПР., ОДУШ. > НЕОПР., ЛИЦО > НЕОПР., ОДУШ. > НЕОДУШ.

В этом случае наименее маркирован последний член иерархии, наиболее маркирован первый (направление маркированности: >).

В целом полный набор возможностей выбора падежных форм именных актантов представлен на схеме 2:

<i>Иерархия:</i>	опр., лицо	опр., одуш	неопр., лицо	неопр., одуш.	неодуш.
<i>Падеж S:</i>		NOM	<	NOM/LOC	< LOC
<i>Падеж O:</i>	OBJ	>	NOM/OBJ	>	NOM

Схема 2. Зависимость падежных форм субъекта и объекта от референциальной иерархии в бенгальском языке

Как видно из схемы 2, наиболее / наименее маркированы крайние позиции иерархии. В этих позициях выбор падежа для субъекта и объекта однозначен. В средних позициях наблюдается варьирование форм. Выбор падежа в этих случаях зависит от прагматических (в том числе коммуникативных) факторов, которые недостаточно

¹⁶ То есть известный или неизвестный участникам речевого акта.

изучены. Важно, что при немаркированных значениях прагматических факторов выбирается форма номинатива, в противном случае — объектива (если это объект) или локатива (если это субъект).

Из этой схемы также видно, почему референциальная иерархия имеет тот вид, который был ранее декларирован. Количество членов иерархии и их порядок вытекают из языковых данных, представленных на схеме: членение иерархии подтверждается наличием тех границ, которые задаются правилами выбора падежа субъекта и объекта. Так, наличие границы между первым и вторым, а также между третьим и четвертым членами иерархии подтверждается правилами кодирования объекта: первый член предписывает однозначный выбор падежа (OBJ), в отличие от второго и третьего членов, допускающих варьирование надежной формы (NOM/OBJ), которым противопоставлена четвертая (и пятая) позиция, однозначно связанная с номинативным кодированием объекта (NOM). Граница между вторым и третьим членами, а также между четвертым и пятым членами диктуется альтернативным (NOM/LOC) и однозначным (NOM) или (LOC) выбором формы субъекта.

Может показаться, что предложенное мной объяснение надуманное, а проверить его, не владея знаниями бенгальского языка, невозможно. Однако аналогичная когнитивная схема реализуется во всевозможных вариациях в большом числе языков и каждая из вариаций в отдельности может казаться случайной. Но в совокупности все эти вариации, добавляя некоторые нетривиальные подробности, сходятся в одну и ту же схему.

В качестве иллюстрации можно указать на широкое распространение такой схемы в уральских и тюркских языках. В них зачастую форма объекта варьирует между немаркированной формой номинатива и маркированной формой — аналогом аккузатива. Контролируют выбор обычно референциальная иерархия и прагматические факторы¹⁷.

Более того, в тюркских языках аналогичные факторы контролируют способ оформления посессивной конструкции, состоящей из вершинного и зависимого имени (типа *книга мальчика*, *крыша дома*, *племянник кузнеца*). Так, согласно [Гращенков 2007], в мишарском

¹⁷ Можно в этой связи вспомнить некоторые факты и из русского языка, а именно явление неразличения формы именительного и винительного падежа существительных мужского рода в 1-м склонении (*вижу студента* vs. *вижу дом*), зависящего от грамматической (не)одушевленности. Этот факт затемняется тем обстоятельством, что неразличение именительного-винительного падежа может быть связано также с формальными факторами (средний род существительного, тип склонения).

диалекте татарского языка реализуется несколько схем оформления такой конструкции, различающихся наличием / отсутствием показателя посессивной связи на вершинном имени (так называемый изафет) и падежной формой зависимого имени (генитив / номинатив). Выбор падежа является многофакторным, как в бенгальском языке, и зависит от иерархии одушевленности, референциальной иерархии и прагматических и дискурсивных факторов. Примечательно, что номинативное оформление предпочтительно для нереферентных неодушевленных зависимых имен, а генитивное — для определенных имен, означающих человека, особенно для локуторов.

В редуцированном виде та же стратегия реализуется в испанском языке в отношении маркирования объекта; см. [Givón 1984: 372]:

- (8) a. *ví* *el* *árbol* *en* *la* *calle*.
 видел.я арт дерево на арт улица
 ‘Я видел дерево на улице’.
- b. *le-ví* *a* *Juán* *en* *la* *calle*.
 ему-видел.я дат Хуан на арт улица
 ‘Я видел Хуана на улице’.

Глагол имеет форму 1-го лица субъекта в обоих предложениях (*ví*), при этом, в отличие от русского языка, субъектная именная группа, заполненная свободным локуторным местоимением, в норме отсутствует. Что касается объекта, то его оформление зависит от свойств имени. Имя, обозначающее неодушевленный предмет (дерево), см. (8a), имеет минимально маркированное оформление, а имя, обозначающее человека (Хуан) в (8б), имеет при себе предлог *a* с дативным значением. Кроме того, к глаголу присоединяется местоименная проклитика *le-* ‘ему’, кореферентная объекту. Такая кодировка вполне согласуется с референциальной иерархией и принципом обратимой маркированности. Субъект, соответствующий высшему рангу иерархии, и объект, имеющий низший ранг иерархии, имеют наименее маркированное кодирование, а объект, соответствующий высшему рангу иерархии, является наиболее маркированным.

Следует отметить, что все приведенные примеры, как и следующий ниже пример из даргинского языка, не связаны с наследованием более древних языковых состояний, что видно при сравнении с другими родственными языками. Это значит, что появление таких техник в языке мотивировано живыми когнитивными схемами, которые могут быть скрытыми или, при благоприятных условиях, получать явную языковую реализацию.

Посмотрим на пару других примеров действия принципа обратной маркированности, связанных с моно- и полиперсонным глагольным согласованием.

3.4. ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

В чирагском диалекте даргинского языка (нахско-дагестанская семья), в отличие от большинства родственных языков, глагол согласуется по лицу с одним из ядерных актантов глагола, а именно:

1 лицо *-da*

2 лицо *-de*

3 лицо нет согласования.

Контролировать согласование может агентивный или пациентивный актант (актант, имеющий агенсоподобную или пациенсоподобную роль¹⁸), сокращенно — агентив и пациентив, обозначающий участника речевого акта. Будем называть участников речевого акта локуторами, а прочих — нелокуторами. Нас будет интересовать согласование в переходном глаголе, имеющем актанты с обеими ролями¹⁹; см. таблицу 3.

Таблица 3

Согласование даргинского переходного глагола по лицу

	АГЕНТИВ	ПАЦИЕНТИВ	КОНТРОЛЕР СОГЛАСОВАНИЯ
ДЕЙКТИЧЕСКИЙ ТИП АКТАНТА	локутор	нелокутор	агентив (<i>-da/de</i>)
	нелокутор	локутор	пациентив (<i>-da/de</i>)
	нелокутор	нелокутор	—
	локутор	локутор	агентив (<i>-da/de</i>)

Выбор контролера согласования зависит от роли актанта и его дейктического статуса. В таблице 3 в схематической форме сформулированы согласовательные правила. Если локутором является агентив (например, *я* — *ego*²⁰), глагол согласуется с ним по лицу, если локутором является пациентив (например, *он* — *меня*), тогда он контроли-

¹⁸ Здесь не используются термины *субъект* и *объект*, так как существование таких сущностей в даргинском языке проблематично; см. [Кибрик 2003: 137, 138, 156, 157].

¹⁹ При непереходном глаголе согласование по лицу контролируется единственным ядерным актантом.

²⁰ Здесь и ниже тире заменяет произвольный переходный глагол.